

Паулус де Гроот
«Вампир с кровью на зубах»

1 ► Музей- Немузей

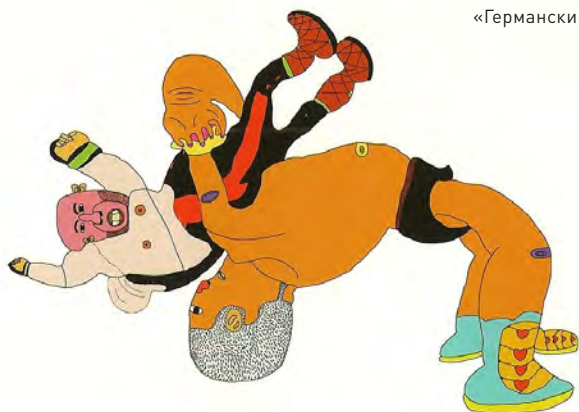
— Первый вопрос, который меня волнует, — почему вы называете свой проект музеем? В обывательском сознании музей имеет некоторые формальные признаки: это большое каменное здание, с фронтоном и колоннами...

— Мне нравятся колонны, знаете ли. Наша последняя выставка была как раз в большом музее и как раз именно с колоннами.

— Нет ли здесь противоречия?

— Для того, чтобы понять это, нужно начать сначала. Почему именно «музей» и почему «всего». На то есть две причины. Первая из них в том, что я верю: слова — это плохо. Никакие из слов, которые были придуманы для того искусства, которое я ценю, не верны. Есть термин «аутсайдер» — плохое слово, предполагающее, что есть что-то внутри, и что-то снаружи. Но подумайте: это противоречит самой сути искусства. Другое дело, что есть мир искусства, основанный на политике сегрегации, где все посчитано, записано, всему навешены ярлыки. Так вот, я не верю в разделение. Я много думал об этом и пришел к выводу, что я хочу объединить разнообразные формы и жанры искусства в каком-то проекте.

Томоюки Шинки
«Германский рестлинг»

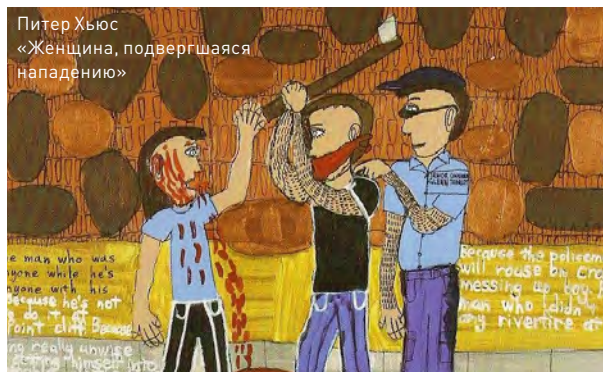

И как будто знак судьбы, со мной произошло очень интересное знакомство: я узнал, что на одном из британских крохотных островов живет человек — уже очень пожилой, и мы с ним даже однофамильцы. Так вот он всю свою жизнь собирал вещи, из которых создавал тотальную инсталляцию в огромном здании своей бывшей школы. Среди этих вещей его школьные тетради, военная форма, мотоциклы, туалетные сидения и так далее — все, что составляло его жизнь на протяжении 90 лет. И дети на острове прозвали его коллекцию «музеем всего на свете». Как я уже говорил, я подумал, что это знак судьбы, спросил того, другого Брета, можем ли мы открыть «Музей всего» в Лондоне. И он согласился. Конечно, он говорит своим немногочисленным посетителям, что его музей лучше всего, но мы надеемся однажды включить его музей в качестве экспоната в нашу коллекцию. И такое происхождение названия и есть вторая причина, почему я выбрал его — оно было придумано кем-то другим, оно не принадлежит мне, и это четко отражает концепцию и стратегию музея: я не присваиваю себе предметы искусства или художников. Я лишь открываю их.

И, конечно, у слова «все», а тем более в сочетании со словом «музей» есть неизъяснимая прелесть: такое название говорит нам, что все возможно, что искусство не может и не должно быть отвергнутым, кто бы его ни делал.

— Хорошо, но если это музей всего, почему у вас есть жюри, чтобы отбирать экспонаты на выставку?

— Потому что, конечно, это не музей всего на самом деле. Это музей кое-чего из всего. Это музей искусства, которое люди делают для себя, музей непрофессиональных художников, художников, которые никогда не учились и не работали на арт-рынке. Людей, которые творят потому, что не могут это не делать. Обычно у нас не бывает жюри, но именно в России мы приняли решение создать некую комиссию для того, чтобы они, находясь в контексте русского искусства, просто говорили: «Да, это ок, такого раньше никто не делал, это уникальное произведение искусства». Мы даем всем возможность высказаться, прийти и показать свои работы в период работы проекта, но нужно также понимать, что мы все-таки хотим делать выставку искусства, причем искусства талантливого. Так что да, здесь есть известная условность — мы не хотим делать музей копий.

Питер Хьюс
«Женщина, подвергшаяся нападению»

— В этом, как мне кажется, есть известная проблема, потому что в 80-90-е годы такое искусство, идущее изнутри, было более популярным — люди собирались на кухнях, беседовали, творили. Но сейчас, молодежь стремится получить это художественное образование именно затем, чтобы выходить на арт-рынок.

— Арт-рынок ничего не значит, это просто цифры. И уж точно, мы никаким образом не принадлежим арт-рынку: мы делаем выставки не для того, чтобы прославить художника и обеспечить ему продажи, наша цель — открыть его, сделать его работу видимой для зрителя. Давайте я проиллюстрирую: был такой художник Александр Лобанов — художник, проведший многие годы в психиатрической больнице, и он делал свои работы — в основном основанные на собственной биографии — для себя. Так вот, в конце концов, он был открыт, его начали выставлять, а потом и продавать, и цены, знаете ли, немаленькие. Но главное, почему стоило

открыть Лобанова, — не затем, чтобы повлиять на его благосостояние, а для того, чтобы просто открыть миру его работу, уникальные творческие эксперименты.

Понимаете, сегодня есть, конечно, интернет, и все знают Дэмиена Херста, скажем. Но большинство людей не волнует Херст, он не часть их повседневной жизни. В их жизни: работа-еда-семья. И арт-рынку в этой вселенной нет места. Зато люди чутко реагируют на деятельность своего соседа — иногда более простодушно, иногда менее, но именно они в данном случае герои и зрители художника.

— Вы сказали об интернете, поэтому не могу не спросить: если есть возможность распространения информации через интернет, и каждый художник может таким образом найти своего зрителя, в чем тогда ценность офф-лайнных выставок?

— Я делаю их, потому что я люблю физический контакт: когда ты смотришь на работу в интернете, ты не можешь оценить ее габариты, фактуру, текстуру, а мне это кажется важным. Поэтому мы не принимаем заявок по электронной почте — только личная подача в период работы выставки. Ведь она таким образом становится еще и определенной площадкой для общения, консолидируя людей, в отличие от интернета, который их разобщает.

— Расскажите подробнее о том, что будет происходить?

— Расскажу о том, как это уже было: мы приезжаем на огромном грузовике и встаем в центре города, и любой желающий может принести и показать нам свои работы. Мы снимаем у грузовика одну стену, и превращаем его в выставочный зал, и если нам нравятся какие-то работы, если их отбирает жюри, мы выставляем их прямо здесь. И это своего рода отборочный этап, который произойдет не только в Екатеринбурге, но и в Нижнем Новгороде, Санкт-Петербурге, Перми, Москве. Лучшие работы с этих региональных выставок будут показаны в Москве, в новом здании центра современной культуры «Гараж». Мы отпечатаем каталоги, мы будем документировать весь процесс. Возможно, кто-то из художников отправится на международные выставки — хотя этого мы не гарантируем. Но ведь шанс — это самое главное, не так ли?

Евгения Бахтурова

Руби Редфорд
«Супермен встречается с принцем Чарльзом»